ПОКА ОСТЫВАЕТ КОФЕ

ДВОЙНАЯ ПРОДАЖА



Её квартиру продали. Его квартиру продают.
Ключ один.

ЭНН ГРЕЙ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

16+

Энн Грей

Двойная продажа

«Автор»
2026

Грей Э.

Двойная продажа / Э. Грей — «Автор», 2026

Её квартиру продали, пока она была у мамы в Калининграде. Полина возвращается ночью с чемоданом, а ключ не входит в замок. Дверь открывает незнакомый мужчина в форменной рубашке, с её рыжим котом на руках и выпиской из реестра на своё имя.Риелтор Полина пятнадцать лет проверяла чужих продавцов, а свою квартиру так и не переоформила. Командир воздушного судна Андрей Савельев отдал за эту квартиру все накопления и проверил сделку по чек-листу. Кроме одного пункта. Выселить друг друга без суда они не могут. Приходится делить кухню, кота и поиски тех, кто обманул обоих, а квартиру тем временем снова выставляют на продажу, и продавцом в объявлении значится уже он.Романтический триллер 16+.

© Грей Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключ не подходит 5
Глава 2. Объявление с котом 9
Глава 3. Кто-то был вами 13
Глава 4. Граница скотчем 17
Глава 5. Слишком дёшево 21
Глава 6. Пакет документов 25
Глава 7. Пальто 29
Глава 8. Тебя продают 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Энн Грей
Двойная продажа

Глава 1. Ключ не подходит

Ключ не входил.

Полина вынула его, посмотрела на бородку под тусклой лампочкой площадки и вставила снова. Тот же ключ, с синей резинкой на головке, которую она надела, чтобы не путать с офисным. Двенадцать лет она открывала им эту дверь, в темноте, с пакетами, один раз со сломанной рукой. Сейчас он упирался на середине, как в чужую щель.

На третьем этаже пахло мокрыми куртками и чьими-то котлетами. Чемодан стоял у ноги, колёсико, отбитое ещё в Пулково, вывернулось набок. Она тащила его по лестнице сама: лифта в доме не было с девятнадцатого века и не предвиделось. Час ночи. Рейс из Калининграда задержали на сорок минут, таксист всю дорогу слушал разбор футбольного матча и дважды проехал поворот на Большую Пушкарскую.

Полина надавила сильнее. Ключ не пошёл.

Замок был новый. Это она увидела не сразу, потому что смотрела на ключ, а не на дверь. Блестящая накладка, вместо её старой, поцарапанной, с отколотой эмалью у скважины. Ровные свежие винты. На полу у порога светлая металлическая стружка, которую не до конца замели.

Она нажала на звонок.

Звонок был её. Она его узнала: хриплая трель с запинкой посередине, которую Кирилл три года обещал починить и не починил, а потом стало не надо. Внутри что-то упало, кто-то сказал короткое слово, потом зажёгся свет. Глазок потемнел.

— Кто? — спросил мужской голос. Спокойный, низкий, без раздражения, только усталость.

— Это я кто? — сказала Полина. — Это вы кто? Откройте, пожалуйста.

Пауза. Щёлкнул замок, дверь приоткрылась на ширину цепочки. Цепочку она тоже не помнила.

Мужчина был высокий, ей пришлось поднять голову. Короткая стрижка, седина у висков, гладко выбрит, будто брился полчаса назад. Белая рубашка с погонами, на погонах золотые полосы. Галстука не было, верхняя пуговица расстёгнута. А на руке, на сгибе локтя, лежал её кот. Девять килограммов рыжего наглого веса, порванное в юности ухо. Кот жмурился.

— Это мой кот, — сказала Полина.

Кот открыл один глаз и снова закрыл.

— Вы, видимо, Полина Андреевна, — сказал мужчина.

— Видимо. А вы видимо кто?

— Савельев. Андрей Николаевич. Я живу здесь с понедельника.

Она засмеялась. Смех вышел короткий и нехороший, и она сама его услышала.

— Здесь живу я. С четырнадцатого года. Это моя квартира. Вот моя прописка, вот мой ключ. — Она подняла ключ, как удостоверение. — Где мой замок?

— В мусоропроводе, — сказал он. — Я его сменил. Мне сказали, что у прежних хозяев могли остаться ключи.

— У прежних хозяев.

— Подождите.

Дверь закрылась. Полина стояла и смотрела на латунный номер «9», который сама прикрутила, когда номер сняли подростки. За дверью ходили. Потом снова щелчок, цепочка, щель. Он протянул ей телефон экраном вперёд.

— Выписка из ЕГРН. Можете прочитать сами.

Читать выписки она умела лучше, чем меню в ресторане. Пятнадцать лет в недвижимости, тысяча квартир, своих и чужих. Глаз сам находил нужные строки: кадастровый номер, адрес, площадь шестьдесят два и четыре десятых. Правообладатель: Савельев Андрей Николаевич. Вид права: собственность. Дата государственной регистрации: двадцатое февраля. Прошлая пятница. Основание: договор купли-продажи.

Ершов Кирилл Сергеевич и Ершова Полина Андреевна в выписке не значились вообще. Их как будто вымыли из квартиры, вместе с замком.

— Это ошибка, — сказала она.

— Возможно, — согласился он. Ровно, без нажима. — Договор мы подписали двенадцатого. Регистрация прошла в пятницу. Сделка была по доверенности. От обоих собственников.

— От обоих?

— От Ершова К. С. и от Ершовой П. А.

— Я ничего не подписывала. Я была в Калининграде.

Он посмотрел на её чемодан, на сбитое колесо, на её ботинки, по щиколотку в мокром снегу.

— Я вижу, — сказал он.

Кот на его руке зевнул, показав розовую пасть, и сполз на пол. Потёрся о его ногу. Потом о дверной косяк. К Полине не вышел.

Предатель, подумала она. Рыжий продажный предатель.

— Я вызываю полицию, — сказала она.

— Вызывайте.

Он сказал это так просто, что ей захотелось пнуть чемодан.

Полицию она вызвала, сидя на чемодане. Девушка-оператор переспросила адрес два раза и назвала вызов «самоуправством», хотя Полина ничего такого не говорила. Сорок минут Полина смотрела в телефон. Написала маме, что долетела. Мама ответила сразу: не спала, конечно. «Как дома?» Полина посмотрела на дверь. Написала: «Всё хорошо, ложусь». Поставила сердечко. Удалила сердечко, мама бы заподозрила неладное.

Потом открыла чат с Ларой. Лара купила ей эти билеты, туда и обратно, потому что Полина в те дни разрывалась между двумя сделками и маминым хирургом. Лара же взяла запасные ключи: «Езжай, корми маму, а я покормлю твоего бегемота». Последнее сообщение от Лары было в среду вечером. Фото пустой миски и подпись: «Жрёт как не в себя, всё ок!». Полина набрала: «Лар, ты не спишь? У меня в квартире чужой мужик с документами». Сообщение повисло с одной серой галочкой. Лара в полвторого спала, как все нормальные люди.

Ещё она открыла сайт агрегатора, по привычке, как другие открывают прогноз погоды. Вбила свой адрес. «Объявлений по адресу нет». Значит, если и было, то сняли. Значит, продали быстро. Риелторская часть её головы, которая никогда не спала, сказала спокойно: «Быстрая сделка в феврале на вторичке. Цена ниже рынка. Покупатель торопился». Остальная часть хотела выть.

Дверь всё это время была закрыта. Один раз за ней зашумела вода. Один раз хлопнула дверца шкафа, кажется, на кухне. На её кухне, где верхняя левая дверца хлопала именно так, потому что петлю перекосило ещё при прошлом ремонте.

Позвонить Кириллу она тоже попробовала. Абонент не абонент. Полвторого ночи, бывший муж спит в чужой квартире на Гражданке, рядом с двадцатисемилетней Алиной. Кирилл всегда спал крепко. Отключал телефон «ради сна», а утром удивлялся, что его кто-то искал. Двенадцать лет она это терпела. Про последний год лучше было не думать.

Полиция поднялась, тяжело дыша. Двое: старший, с усами и красным от лестницы лицом, и молодой, совсем мальчик, с планшетом в чехле.

— Лифта нет, — сообщил старший так, будто это было отягчающим обстоятельством.

Андрей открыл им сам, уже без цепочки. Встал в проёме, и в прихожей за его спиной Полина увидела свою вешалку. Свою, из ИКЕА, белую, с отломанным крючком. На вешалке висела тёмно-синяя форменная куртка. И больше ничего. Ни её плаща, ни шарфов.

Документы смотрели долго. Старший листал выписку пальцем, молодой переписывал паспорта в планшет. Полина достала свои: паспорт, свидетельство о регистрации по месту жительства, которое возила с собой с тех пор, как стала работать с иностранцами. Фото мирового соглашения в телефоне: определение суда, печать, подписи.

— Тут написано, что квартира переходит вам, — сказал старший, держа её телефон на вытянутой руке. — А тут, — он кивнул на Андрея, — что гражданин собственник.

— Он не собственник. Его обманули. Или он обманщик, я пока не знаю.

— Полина Андреевна, — сказал старший, и в голосе у него появилось терпение, с каким говорят с пьяными и детьми. — Вы прописаны. Он собственник. У него документы, у вас документы. Это гражданско-правовые отношения. Мы не суд. Мы не можем никого выселить и никого вселить.

— Я хочу написать заявление. О мошенничестве.

— Пишите. Примем. Будет проверка. — Он вздохнул. — Но сейчас что мы сделаем? Дверь ломать? Гражданина выводить? Гражданин ничего не нарушил. Сидит у себя дома.

— У меня дома.

— По бумагам у себя.

Заявление она написала на подоконнике лестничной клетки, на колене, ручкой молодого полицейского. Писала долго, почерк прыгал. Молодой терпеливо светил телефоном. Андрей всё это время стоял в дверях и не уходил, не закрывал, не вмешивался. Один раз сказал полицейским, что может приехать в отдел утром, если нужно. Потом при них набрал номер представителя продавцов и включил громкую связь. «Набранный вами номер не обслуживается». Андрей набрал ещё раз, сверил цифры с договором и долго смотрел на экран, не опуская телефона. Номер свой продиктовал. Полина записала его в телефон тоже, на всякий случай, под именем «Савельев КВАРТИРА».

Полиция ушла вниз, топая. Старший на полпролёта обернулся:

— В суд идите. С адвокатом. И ночевать есть где?

Она не ответила.

Андрей помолчал, глядя на неё. Она ждала, что он скажет что-нибудь вроде «мне очень жаль». Ей очень хотелось, чтобы он это сказал, тогда можно было бы на него наорать.

— Я могу вызвать вам такси, — сказал он. — До гостиницы. На Петроградской есть две рядом, я видел.

— Я риелтор, — сказала Полина. — Я знаю, где на Петроградской гостиницы. Я знаю, сколько стоит каждый метр в этом доме. Я знаю, что в вашей ванной течёт полотенцесушитель, если открыть его больше чем на четверть. Это мой дом.

Он кивнул, как будто она сообщила полезные сведения про полотенцесушитель.

— Утром поговорим, — сказал он. — Я после рейса, извините. Мне через восемь часов нужно быть в нормальном состоянии.

— А мне?

Он посмотрел на неё. Глаза у него были серые, светлые, с морщинами в углах, как у людей, которые много щурятся на солнце. Или на приборы, поправила она себя. Погоны. Полосы. Лётчик.

— Вам тоже, — сказал он. И закрыл дверь.

Не хлопнул. Закрыл аккуратно, до щелчка.

Полина села на ступеньку. Ступенька была холодная, каменная, со стёртой серединой. Чемодан она поставила рядом, обхватила рукоятку, чтобы было что держать. На четвёртом этаже кто-то сдал назад стул. В трубах прошумела вода.

Из-за двери было слышно, как он ходит. Тихо, но в этой квартире всё было слышно: она знала, какая доска скрипит у ванной, а какая у шкафа в коридоре. Скрипнула у ванной. Потом звякнула миска, железная, по кафелю. Она знала этот звук.

— Ну, иди, — сказал он за дверью. Не ей. — Кадик. Иди ешь. Это всё тебе. Ночь на дворе, а он не ужинал.

На миске Кадика было написано маркером: «КАДИК». Она сама написала, когда Кирилл однажды налил в эту миску суп себе, не посмотрев.

Он прочитал. Чужой мужчина зовёт её кота по имени с миски.

Полина прижала ладонь ко рту. Из горла лез тот самый нехороший смех, а на лестнице было гулко, и за дверью услышали бы.

Через площадку щёлкнул замок. Старый, советский, с двумя оборотами. Дверь квартиры напротив, номер десять, приоткрылась, и в щели показалась седая голова в бигуди под сеткой, потом очки, потом байковый халат в синие цветы.

— Полечка, — сказала Галина Петровна шёпотом на всю лестницу. — Ты чего тут сидишь как беженка?

— Галина Петровна. У меня там чужой мужчина.

— Видела я твоего мужчину. Вежливый. Сумки мне в понедельник донёс. — Галина Петровна поправила очки. — Заходи давай. Чайник поставлю. Я ведь и фотографа твоего видела.

— Какого фотографа?

— А такого. Который у тебя квартиру снимал, пока тебя не было. Заходи, говорю, холодно.

Глава 2. Объявление с котом

У Галины Петровны всё было как тридцать лет назад: клеёнка в подсолнухах, радиоточка на стене, чайник со свистком, который она снимала с огня за секунду до свиста, «чтобы соседей не будить». Соседи — это была Полина. Других соседей на площадке не было.

— Пей, — сказала Галина Петровна. — С вареньем. Варенье брусничное, от давления.

— У меня нет давления.

— Будет, — пообещала Галина Петровна и села напротив. — Значит, так. Девятого это было, в понедельник, в тот самый день, как ты с чемоданом уехала. Вечером. Я ещё «Пусть говорят» смотрела, повтор. Слышу, у тебя дверь. Думаю, Полечка вернулась, забыла чего. Глянула в глазок.

— И?

— Не ты. Парень молодой, с сумкой длинной, как для удочки. И женщина с ним. В капюшоне, лица не видно, куртка тёмная. Ключ у неё был. Сама открыла, ловко так, не ковырялась.

Полина держала чашку обеими руками. Чай был очень горячий, она не пила.

— Сколько они там пробыли?

— Час, может. Свет у тебя под дверью горел, вспышки щёлкали. Я ещё подумала: продавать надумала, после развода-то. Кирилл твой съехал, одной тебе такая хоромина зачем. — Галина Петровна вздохнула. — Ну, думаю, не моё дело. Ты ж риелтор, у тебя всё по уму.

— А потом?

— А на другой день, во вторник, другой пришёл. Лысоватый, в кепке, с папочкой. С ним твой лётчик, вежливый. Ходили недолго. А в этот понедельник, двадцать третьего, лётчик с вещами приехал, грузчики коробки таскали. Я спросила: «Вы кто ж будете?» Он говорит: «Новый сосед, Андрей». И сумки мне донёс из «Пятёрочки», я как раз шла.

— Вы не позвонили мне.

Галина Петровна посмотрела на неё поверх очков.

— Полечка. У меня твой номер есть? Нету. Ты мне его давала? Не давала. Мы двенадцать лет «здрасьте» да «здрасьте». А что ты развелась, так это весь подъезд слышал, дом старый, звук по трубам идёт.

Это была правда. Полина опустила глаза в чашку.

Спала она на диване под портретом покойного Петра Семёновича в капитанской фуражке торгового флота. Пётр Семёнович смотрел строго, всю ночь. Под утро Полине приснилось, что она показывает клиентам собственную квартиру и не может найти в ней выключатель.

Кофейня Марго на Большом проспекте открывалась в восемь. Полина была там в восемь ноль пять, с чемоданом. Марго глянула на чемодан, потом на её лицо, ничего не спросила и поставила на стойку капучино на овсяном, без сахара, как обычно. Полина ходила сюда пять лет, между показами на Петроградской. Марго знала, что она пьёт, сколько у неё объектов в работе и что муж у неё был, а теперь нет. Остального Марго не спрашивала.

Полина села у окна. На стекле с той стороны таяла снежная каша. Чашку поставила перед собой и положила рядом телефон.

Кирилл не отвечал: длинные гудки, а потом вежливая женщина сообщала, что абонент не может ответить, и предлагала оставить сообщение после сигнала, которого так и не было. Полина написала ему: «Ты продал квартиру?» — посмотрела на эти четыре слова, стёрла их и набрала другие, без вопроса, потому что на вопрос Кирилл всегда отвечал вопросом: «Перезвони срочно. Это про квартиру».

Потом позвонила Ганину.

Ганин вёл их развод. «Семейный юрист, мирно, быстро, без войны», так Лара его отрекомендовала в ноябре, когда Полина только узнала про Алину и неделю ходила, как ударен-

ная. Эдуард Валерьевич был мягкий, полный, с мягкими руками и мягким голосом, говорил «давайте без нервов, нервы у нас самое дорогое». Мировое соглашение он подготовил за две недели. Кирилл подписал всё, что ему дали. Полина тоже.

— Юридическое бюро, — сказала трубка женским голосом.

— Это Ершова. Мне срочно нужен Эдуард Валерьевич.

— Эдуард Валерьевич в отпуске до второго марта. Что ему передать?

— Что мою квартиру продали.

Пауза была короткая, но была.

— Передам, — сказала девушка. — Всего доброго.

Полина посмотрела на телефон. Отпуск до второго марта. Сегодня двадцать седьмое февраля.

Лара перезвонила в восемь тридцать.

— Полинка! Я только проснулась, я в ужасе! Какой мужик? Ты где?

— У Марго.

— Сиди. Я бегу.

«Невский метр» был в трёх кварталах, на Большом. Лара прибежала через двенадцать минут, в распахнутой пуховой куртке, с огромной сумкой и пакетом из пекарни. Обняла Полину прямо через стол, крепко, пахнув морозом и ванильным кремом для рук. Лара была старше на восемь лет, и в агентстве её звали «наша мама».

— Рассказывай.

Полина рассказала. Получилось быстро: замок, мужчина, выписка, полиция, Галина Петровна. Лара слушала, прижав ладонь к щеке.

— Это Кирилл, — сказала она, когда Полина закончила. — Ну кто ещё. Сволочь. Продал и смылся со своей вертихвосткой.

— Без меня он не мог продать. Квартира на нас двоих. В реестре оба.

— Значит, подделал. Полиночка, он год тебе врал, ты думаешь, он подпись не подделает?

— Лар. — Полина посмотрела на неё. — Ты же кормила Кадика. Ты заходила. Ты ничего не видела?

— Да я до среды каждый день заходила! — Лара всплеснула руками. — Всё было как всегда. Кадик орал, я ему насыпала, лоток помыла, цветы твои полила. Фото тебе слала, помнишь? В среду последний раз. А в четверг у меня Денис заболел, я не смогла, думала, ну один день кот потерпит, а в пятницу ты уже… ну, в пятницу я тоже не смогла, закрутилась. Прости меня, а?

— Тут нечего прощать.

— Есть чего. — Лара сжала её руку. — Не заметила. Дура старая.

Она достала из пакета пирог с капустой, разломила, сунула Полине половину.

— Ешь. Ты зелёная. Ганину звонила?

— В отпуске до второго.

— Вернётся — всё разрулит. Он такие вещи на раз делает, у него связи. — Лара посмотрела на часы и охнула. — Полин, у меня показ в девять на Зверинской, клиенты злые, я побежала. Вечером созвонимся. Где ночевать будешь? Давай ко мне, у меня диван.

— Разберусь.

— Разберётся она. — Лара поцеловала её в макушку. — Звони.

Хлопнула дверь, звякнул колокольчик. Марго за стойкой молча протирала питчер.

Полина отломила кусок пирога, подержала и положила. Взяла телефон.

Риелторская голова работала сама. Объявления не было по адресу. Но объявления не исчезают совсем. У «Невского метра» был платный кабинет в сервисе, который годами хранил снятые объявления по всему городу, с фотографиями и историей цены. Агенты называли его

«кладбищем». На кладбище смотрели, когда клиент приходил и говорил: «А вот соседи продали за столько-то». Полина зашла под своим логином. Вбила адрес.

Объявление было одно. Выложено десятого февраля, во вторник. Снято в четверг. Три дня.

«Срочно! Трёхкомнатная квартира в историческом центре Петроградской стороны. Продажа в связи с разводом, собственники в отъезде, показ по договорённости. Документы готовы. Агент Вадим».

Под текстом был телефон агента. Полина набрала его, не думая, что скажет. «Набранный вами номер не обслуживается». Она набрала ещё раз, медленно, сверяя каждую цифру. Не обслуживается. Номер купили на три дня и выбросили. Так делают, когда ждут звонков не от покупателей.

Она открыла карточку агента. «Вадим. На сервисе с февраля. Объявлений: 1». Ни фамилии, ни агентства, ни фотографии. Серый силуэт вместо лица. Таких на кладбище было много, частники, однодневки, перекупщики. Обычно Полина пролистывала их не глядя.

Цена. Полина посмотрела на цену и посчитала в уме. Пятнадцать процентов ниже рынка. Чуть больше. Такую цену ставят, когда надо продать вчера.

Фотографий было четырнадцать.

Она узнала всё. Гостиная с эркером, её серый диван, на диване плед с оленями, на пледе Кадик, сонный, рыжий, прямо в объектив. Кухня: её чайник, её магниты на холодильнике, мамин из Калининграда с янтарём. Спальня, кровать застелена её покрывалом, на тумбочке её книжка обложкой вниз. Прихожая: белая вешалка, на вешалке её шарф и её бежевое пальто, длинное, с крупными пуговицами, в котором она ходила на показы. Пальто, которое она не взяла в Калининград, потому что там обещали ветер.

Снимал профессионал. Это она видела тоже. Все кадры сделаны с одной точки высоты, низко, примерно с колена, от двери каждой комнаты, так что потолки уходят вверх и комнаты кажутся больше. Свет ровный, без провалов в углах. Окна не пересвечены. Так снимают для дорогих объявлений, сама она так снимать не умела и платила фотографу.

Она увеличила гостиную. Эркер, три окна. На внешнем отливе среднего окна лежал снег, свежий, пухлый, сантиметров пять. Полина смотрела на него долго.

В тот понедельник, когда она уезжала, снега не было. Был мороз, сухой асфальт, такси до Пулково ехало сорок минут, и водитель жаловался, что на всю зиму ни одного нормального снегопада. Снег пошёл вечером, когда она уже сидела у мамы. Мама ещё прислала ей в чат картинку из питерских новостей: «У вас там завалило».

Значит, снимали после её отъезда. В тот же вечер. Молодой с сумкой, как для удочки, и женщина в капюшоне, с ключом.

Ключ. Ключи были у неё самой, у Кирилла (он клялся, что отдал, но кто его знает), и запасные, которые висели в агентстве в ящике её стола, на синей резинке. Их она отдала Ларе. Других не было.

Она подняла глаза. Капучино стоял полный, с осевшей пенкой, и уже не дымился. Полина тронула чашку: чуть тёплая. Она отодвинула её к окну.

Марго подошла неслышно, забрала чашку, поставила новую, горячую. Рядом положила визитку. Белая, плотная, без логотипов. «Штерн Аркадий Львович. Адвокат. Семейные и имущественные споры». Телефон, адрес на Кронверкском.

— Это кто? — спросила Полина.

— Человек, который читает бумаги с конца, — сказала Марго. — Тебе сейчас такой нужен?

— А что, видно?

Марго пожала плечом. Посмотрела на чемодан, потом на телефон, где на экране лежал рыжий Кадик на сером диване.

— Он до шести, — сказала Марго. — Звони сейчас.
Полина набрала номер, пока не передумала.

Глава 3. Кто-то был вами

Контора Штерна помещалась на втором этаже серого дома на Кронверкском, над аптекой. На двери висела латунная табличка, начищенная до того, что в ней отражалась лестница. Внутри пахло бумагой и крепким чаем. Секретарей не было. Штерн открыл сам: высокий, сухой, в тёмном пиджаке, очки висели на цепочке на груди.

— Ершова? — спросил он. — Проходите. Марго предупредила, что вы будете злая. Чай?

— Я не злая.

— Тогда чай тем более. — Он кивнул на стул. — Злых я принимаю без чая, они его не пьют.

Кабинет был узкий, во всю стену стеллаж с папками. На столе ничего лишнего: блокнот, ручка, стакан в подстаканнике. Полина положила перед ним всё, что было: паспорт, свидетельство о регистрации, телефон с определением суда и фотографиями объявления. Штерн надел очки. Начал с последней страницы определения, с подписей и печати, и пошёл к началу.

Она смотрела, как он читает. Медленно, сверху вниз, иногда возвращаясь на строку. Ей хотелось говорить, рассказывать, объяснять. Она молчала.

— Мировое соглашение утверждено восемнадцатого декабря, — сказал он, не поднимая головы. — Квартира переходит вам целиком. Ваш бывший супруг получает автомобиль и долю в обществе. В Росреестр вы с этим определением обращались?

— Нет.

— Почему?

Полина ответила не сразу.

— Некогда было. Декабрь, сделки, у всех годовые бонусы, все покупают. Потом праздники. Потом мама. Я думала: ну что может случиться за месяц. Я сама риелтор, я этим Росреестром живу.

— Вот, — сказал Штерн и снял очки. — Вот это вы сейчас запишите куда-нибудь и перечитывайте раз в год. «Что может случиться за месяц». Это я не в упрёк. Это я как человек, который тридцать лет слушает эту фразу.

— Записала, — сказала Полина. — Дальше.

Он кивнул, будто одобрил.

— Дальше так. Пока ваше право не зарегистрировано, по реестру вы с мужем оставались совладельцами. Двое в выписке. Продать квартиру без вас он не мог. Значит, продавали от имени обоих, как вам и сказали ночью. Доверенности. Давайте посмотрим, что за доверенности.

Он развернул к себе ноутбук, старый, с потёртыми клавишами, и что-то набрал двумя пальцами.

— Есть такая вещь, Полина Андреевна, реестр нотариальных доверенностей. Любой может проверить, выдавалась ли доверенность, кем и действует ли. Ваш покупатель её, скорее всего, проверял. Если он аккуратный человек.

— Он лётчик, — сказала Полина и тут же пожалела: при чём тут это.

— Лётчики аккуратные. — Штерн щёлкнул клавишей. — У них работа такая, неаккуратные долго не живут. Фамилию представителя вы знаете?

— Вадим. Больше ничего.

— Ничего, найдём по доверителю.

Он искал минут десять. Звонил кому-то, спрашивал номер, говорил «спасибо, Зоя Михайловна, с меня конфеты», записывал в блокнот столбиком. Полина пила чай. Когда она его налила, сама не заметила. Чай был чёрный, крепкий, с чабрецом.

— Вот, — сказал наконец Штерн. — Две доверенности. Обе на имя Сидоренко Вадима Олеговича, обе на продажу квартиры по вашему адресу. Первая — от Ершова Кирилла Сергеевича. Удостоверена восемнадцатого декабря нотариусом Литвиновой.

— Восемнадцатого декабря?

— В день утверждения вашего мирового соглашения. — Штерн поднял глаза. — Вы что-нибудь помните про этот день?

Полина помнила. Здание суда на Литейном, скамейки в коридоре, Кирилл в новом пальто, которое ему, видимо, купила Алина, потому что сам он пальто не покупал никогда. Короткое заседание, десять минут. А потом Ганин сказал: «Кирилл Сергеевич, давайте, раз уж мы все в центре, заскочим к нотариусу, оформим вам доверенность на представительство, для удобства, чтобы вас не дёргать по каждой бумажке». И повернулся к ней: «Полина Андреевна, и вам бы оформить». А она отказалась. Сказала: я риелтор, я сама хожу в Росреестр. И пошла в кофейню напротив ждать, пока они закончат, потому что Кирилл обещал отдать ей ключи от гаража.

— Ганин водил его к нотариусу, — сказала она. — Для удобства. Мне тоже предлагал. Я не пошла.

Штерн ничего не ответил. Записал что-то в блокнот, коротко.

— Вы его знаете? — спросила Полина. — Ганина?

— Эдуарда Валерьевича? Слышал. — Штерн снял очки и протёр их краем пиджака, хотя они были чистые. — Не от его клиентов. От их бывших супругов. Они иногда потом приходят ко мне.

— И что говорят?

— Разное. — Он снова надел очки. — Говорят, что развод у него очень мирный. Все довольны. А потом почему-то не все.

Больше он ничего не сказал, и Полина поняла, что спрашивать бесполезно.

— А вторая доверенность? — спросила Полина.

— Вторая — от вас.

— Я же сказала. Я не пошла.

— Удостоверена одиннадцатого февраля, — сказал Штерн ровно. — Нотариус Кравец Елена Викторовна, Петроградский район. Доверенность действующая, не отменена. Ваши паспортные данные, ваша дата рождения, ваш адрес регистрации.

Полина посчитала. Девятое она улетела. Одиннадцатое — среда. В среду мама отходила от наркоза, и Полина сидела у неё в палате в Калининграде, в халате, держала маму за руку, а мама рассказывала, что ей снился папа и ругал её за немытую посуду.

— Я была в Калининграде, — сказала она. — Я была в больнице. Там камеры, там журнал посещений, там медсёстры, там…

— Я вам верю, — сказал Штерн.

— Тогда кто был у нотариуса?

— Значит, кто-то был вами.

Он сказал это спокойно, как говорят о погоде. Полина посмотрела на свои руки. Руки лежали на коленях, на её коленях, и это были её руки, с обломанным ногтем на большом пальце: зацепила чемоданом в Пулково. А какая-то другая женщина в среду сидела у нотариуса на Петроградской, называлась её именем и расписывалась её фамилией.

— Как? — спросила она. — Там же паспорт. Там же проверка, база.

— Паспорт мог быть с вашими данными и чужой фотографией. Номер настоящий, по базе действительный. Нотариус смотрит в лицо, лицо похоже на фото. Это не первый такой случай в городе, и, к сожалению, не последний. — Штерн помолчал. — Скажите, у кого были ваши паспортные данные? Полностью. Серия, номер, кем выдан.

Полина начала перечислять и сбилась на третьем пункте, потому что получилось много. Банк. Агентство: у них в базе копии всех сотрудников для доверенностей на сделки. Нотариусы, через которых она проводила клиентов. Ганин, разумеется, для мирового. Госуслуги. Авиакомпания.

— Авиакомпания?

— Билеты. Мне Лара покупала, коллега. Туда и обратно. Я тогда не успевала ничего, у меня две сделки и мамина операция, а она сказала: давай паспорт, я сама.

Она сказала это, и ей захотелось позвонить Ларе прямо отсюда, из этого кабинета с папками, просто услышать её громкий голос. Лара покупала ей билеты, Лара кормила кота, Лара бежала к ней через три квартала с пирогом.

Штерн записал: «Лара — билеты». Подчеркнул один раз. Он подчёркивал всё подряд, она заметила: Кирилла, Ганина, агентство, банк.

— Теперь о том, что делать, — сказал он и положил ручку. — Первое. Я готовлю иск и вместе с ним ходатайство о запрете регистрационных действий с квартирой. Как обеспечение. Чтобы ваш лётчик, или кто там за ним стоит, не продал её дальше, пока мы разбираемся. Второе. Сам иск: об оспаривании сделки и истребовании квартиры. Это долго. Это месяцы, не недели. Третье. Полиция у вас уже есть, заявление вы написали ночью. Я напишу ещё одно, грамотное, приложу ваши билеты и всё, что подтверждает Калининград. И запрошу у нотариуса Кравец копии документов, по которым она удостоверяла доверенность. С вами она без запроса говорить не станет, тайна нотариального действия.

— А где мне жить эти месяцы?

Штерн откинулся на спинку стула и посмотрел на неё поверх очков.

— Где вы прописаны?

— Там.

— Вас кто-нибудь выписал?

— Нет. Не знаю. Наверное, нет.

— Проверим, но, скорее всего, нет. Тогда так. Выселить вас из этой квартиры можно только через суд. Это тоже месяцы. Пустить вас обратно может только он или суд. — Штерн постучал пальцем по столу. — Но если вы сейчас уйдёте жить к подруге, к маме, в гостиницу, то каждый день вашего отсутствия будет работать на него. «Не проживает, вещей нет, интереса к жилью не проявляет». Понимаете?

— Вы мне предлагаете жить в одной квартире с чужим мужиком?

— Я вам ничего не предлагаю. Я рассказываю, как это выглядит со стороны суда. Если вам там станет страшно, уходите в ту же минуту и звоните мне. — Он помолчал. — Кстати, о мужике. Вы с ним говорили?

— Ночью. Через цепочку.

— И какое впечатление?

Полина вспомнила: белая рубашка, полосы на погонах, Кадик на сгибе локтя. «Вам тоже». Аккуратно закрытая дверь.

— Спокойный, — сказала она. — Слишком спокойный.

— Возможно, он такой же пострадавший, как вы. Он заплатил деньги, большие, по нормальным документам, и теперь выясняется, что половина этих документов фальшивая. — Штерн снова взял ручку. — А возможно, нет. Я его не видел. Но совет дам бесплатно, Полина Андреевна. Не начинайте войну, пока не знаете, кто враг. На войне с соседом по кухне проигрывают оба.

Он проводил её до двери. На площадке, уже взявшись за ручку, сказал:

— Результат я не обещаю. Могу пообещать, что мы попробуем.

На улице мело. Полина постояла у аптеки, подняв воротник пуховика. Был шестой час, небо над крепостью серело. По Кронверкскому шёл трамвай, в окнах горели жёлтые лампы.

Маме она позвонила здесь же, у аптечной витрины с плакатом про витамин Д.

— Мам. Мне нужно доказать, что я была у тебя с девятого. Каждый день. Пришли все фото, где мы в палате, с датами. И спроси на посту, может, у них журнал посетителей.

— Доказать? — Мама насторожилась сразу, как всегда, когда Полина просила о чём-нибудь официальном. — Тебя что, уволить хотят? За прогулы?

— Никто меня не увольняет. Для бумаг. По квартире.

— По какой квартире? По твоей? Что с квартирой?

— Мам, всё нормально. Бюрократия. Спроси у Татьяны Ивановны на посту, она добрая.

Мама помолчала. Полина слышала, как у неё в палате работает телевизор.

— Ты врёшь, — сказала мама. — Ты с детства врёшь вот этим голосом. Ладно. Попрошу. Но потом расскажешь.

— Расскажу.

— И поешь.

— Поем.

Она дошла до хозяйственного на углу Большой Пушкарской, где покупала когда-то дюбели и лампочки. Взяла с полки рулон малярного скотча, широкого, жёлтого. Подумала и взяла второй. На кассе продавщица спросила: «Ремонт затеяли?» Полина сказала: «Раздел имущества».

К дому она подошла в половине седьмого. Подняла чемодан на третий этаж, со сбитым колёсиком, по ступенькам, на которых сидела ночью. Встала перед дверью с номером «9».

Достала из кармана рулон скотча, подержала в руке, как гранату. Положила обратно. И нажала на звонок с запинкой посередине.

Глава 4. Граница скотчем

Он открыл не сразу. Глазок потемнел, посветлел, потемнел снова. Потом цепочка, щелчок, и дверь распахнулась на всю ширину.

Андрей был в серой футболке и спортивных штанах, босиком. Без формы он выглядел моложе и больше. На щеке остался след от подушки, глаза припухли.

— Я спал, — сказал он. — Извините. Утром был рейс.

— Я по делу, — сказала Полина. — Можно войти? Или будем через цепочку?

Он посмотрел на чемодан. На рулон скотча, который торчал у неё из кармана.

— Входите.

В прихожей пахло чужим. Не плохо, просто чужим: обувным кремом, мужским дезодорантом, свежей краской от нового замка. На её белой вешалке висели две его куртки, форменная и обычная, тёмно-зелёная. Внизу стояли его ботинки, огромные, начищенные. Её тапочки с помпонами стояли тут же, в углу, ровно, носками к стене.

Он заметил, куда она смотрит.

— Я их не трогал, — сказал он. — Почти ничего не трогал. Проходите на кухню.

На кухне всё было её и всё было не так. Её стол, её стулья, её занавески с лимонами. Но на столе лежала стопка бумаг, выровненная по краю. На подоконнике стояла турка, медная, с деревянной ручкой. На холодильнике среди её магнитов висел распечатанный лист, расчерченный на клетки: даты, цифры, буквы. Сверху крупно, от руки: «МАРТ».

Кадик сидел на её стуле, на её подушке, и смотрел на Полину жёлтыми глазами без всякого раскаяния.

— Чай, кофе? — спросил Андрей.

— Это мой чайник.

— Я знаю. Чай или кофе?

— Кофе, — сказала она. — Раз уж так.

Он насыпал кофе в турку из жестяной банки, своей, залил водой, поставил на огонь. Стоял и смотрел, не отходя, пока поднималась пена. Снял за секунду до того, как она перелилась бы. Разлил в две свои кружки, белые, толстостенные, как в столовой. Поставил одну перед ней.

— Я буду жить здесь, — сказала Полина.

Он сел напротив и положил руки на стол.

— Я понял.

— Я здесь прописана. Без суда вы меня не выпишете и не выселите. Мой адвокат подаёт иск об оспаривании сделки. Это месяцы. Если я уйду сейчас, это будет работать против меня. Поэтому я не уйду.

— Я тоже не уйду, — сказал он. Без нажима.

— Я понимаю.

— Не уверен. — Он отпил кофе. — Я заплатил за эту квартиру все, что у меня было. Деньги после продажи моей половины в Пскове, накопления за восемь лет и потребительский кредит. Здесь моё всё. Я не стану из-за неё воевать с вами, но и уходить мне некуда.

Она взяла чашку. Кофе был крепкий, горький, с осадком, совсем не такой, как из её капсульной машины. Где, кстати, её капсульная машина?

— Тогда будем жить вдвоём, — сказала она. — Пока суд.

— Пока суд, — повторил он.

— По правилам.

— По каким?

Она достала из сумки блокнот, вырвала лист, взяла его ручку, лежавшую на стопке бумаг. Ручка была тяжёлая, металлическая. Написала крупно: «ПРАВИЛА». Подчеркнула два раза.

— Первое, — сказала она, записывая. — Кухня общая. Каждый моет за собой сразу. Не «потом», не «утром», а сразу.

— Согласен.

— Второе. Ванная. Утром когда?

— Когда рейс, в четыре или в пять. Когда нет рейса, не встаю до девяти. — Он кивнул на лист на холодильнике. — Там всё есть. Буква «Р» — рейс. «О» — отдых. «Рз» — резерв. Время вылета, время прилёта.

Полина посмотрела на клеточки. На март приходилось пятнадцать «Р».

— Ванная утром ваша, когда «Р». Когда «О», моя до девяти.

— Согласен.

— Третье. Кот…

— Кот свой собственный, — сказал Андрей. — Его не спросили.

Кадик, услышав, что говорят о нём, спрыгнул с её стула и пошёл к Андрею. Потёрся о его босую ногу, громко, с урчанием. Андрей не наклонился, не погладил. Просто чуть подвинул ногу, чтобы коту было удобнее.

— Кот общий, — написала Полина и поставила точку так, что порвала бумагу.

— Когда вы въехали? — спросила она. — Точно.

— В понедельник. Двадцать третьего. Утром, с грузчиками.

— И кот был здесь?

— Был. — Он нахмурился, вспоминая. — Голодный был. Орал под дверью, когда я поднимался. Миска пустая, вода на дне. Корма в шкафу не было, я сходил в зоомагазин на углу. Он съел полбанки сразу. Потом лёг в коридоре и смотрел на меня часа два.

Полина подумала о Ларе. Лара заходила до среды, Лара сыпала корм, Лара мыла лоток. Наверное, корм как раз кончился. Наверное, Лара не успела купить, потому что у Дениса температура. Она подумала об этом мельком, как думают о незакрытой форточке, и отложила.

— А мои вещи?

Встал, вышел в коридор. Она пошла за ним.

Маленькая комната была в конце коридора, слева, напротив ванной. Девять метров, одно окно во двор-колодец. Полина использовала её как кладовку и кабинет одновременно. Здесь стоял её стол, её сушилка для белья, её велотренажёр, на котором она за три года проехала, наверное, километров десять.

Сейчас здесь стояли коробки.

Коробок было двенадцать. Картонные, новые, одинакового размера, составленные в два ряда вдоль стены. На каждой маркером, печатными буквами, ровным мужским почерком было написано, что внутри.

«КУХНЯ. ПОСУДА. ХРУПКОЕ».

«СПАЛЬНЯ. ОДЕЖДА. ЗИМА».

«СПАЛЬНЯ. ОДЕЖДА. ЛЕТО».

«ВАННАЯ. КОСМЕТИКА. НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ».

«ГОСТИНАЯ. КНИГИ».

«ГОСТИНАЯ. ФОТОГРАФИИ. ДОКУМЕНТЫ».

«КУХНЯ. КОФЕМАШИНА. КАПСУЛЫ».

Полина стояла и читала. Её жизнь, разобранная по категориям. «НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ».

— Мне сказали, что это вещи второй продавщицы, бывшей жены, — сказал Андрей у неё за спиной. Негромко. — Что она в отъезде и заберёт, когда вернётся. Я не хотел, чтобы что-то разбилось или пропало. Я составил опись. Она в первой коробке, сверху.

— Опись.

— Да.

Она открыла первую коробку. Сверху лежали три листа в прозрачном файле, исписанные тем же печатным почерком, с нумерацией. «14. Чашки с синим цветком, 4 шт., у одной скол на ручке (был до меня)». «31. Фото в рамке: мужчина и женщина на фоне моря. Стекло рамки треснуто (было до меня)». «32. Фото в рамке: пожилая женщина с котом. Целое».

Мужчина и женщина на фоне моря были она и Кирилл, Анапа, первый совместный отпуск. Стекло треснуло в ноябре, когда она швырнула рамку в стену. «Было до меня».

Полина положила опись обратно и закрыла коробку.

— Вы составили опись моих трусов?

Он ответил не сразу.

— «Бельё, ящик комода, верхний, без пересчёта», — сказал он. — Пересчитывать я не стал.

Полина повернулась к нему. Хотела сказать что-нибудь острое и не нашла что. У него было серьёзное лицо. Он и правда не стал пересчитывать.

— Это комната моей дочери, — сказал он.

— Что?

— Эта комната. Соне пятнадцать, она живёт с матерью в Пскове. Летом переезжает ко мне, будет здесь доучиваться. Я купил эту квартиру из-за этой комнаты. Окно во двор, тихо, ей нужно заниматься.

— Мои вещи будут здесь, — сказала Полина. — Мне их некуда деть.

— Летом здесь будет Соня.

— Летом посмотрим. До лета суд.

— До лета суд, — сказал он, и она поняла по голосу, что разговор не закончен, а отложен. Как рейс по погоде.

Спальню она забрала себе. Он не спорил: сказал, что не спал там ни одной ночи, ему неловко было ложиться в чужую кровать, и он спит в гостиной на раскладушке, пока не привезут новую. Раскладушка стояла у эркера, застеленная солдатски, уголок к уголку. Её серый диван он отодвинул к стене: «Короткий. И не мой». Рядом на табурете лежала стопка книг и фонарик.

Скотч она клеила в девятом часу. Он вышел из гостиной, посмотрел, как она ползает по полу в коридоре, отрывая длинные жёлтые полосы зубами, и ушёл обратно, ничего не сказав. Граница вышла кривая. От входной двери по центру коридора, до двери в ванную. Слева её спальня и маленькая комната с коробками, справа гостиная и кухня. Кухня, конечно, была справа. Полина поглядела на это и отклеила последний метр. Кухню сделала нейтральной полосой: обвела дверной проём жёлтым прямоугольником.

Правила она повесила на холодильник, рядом с его «МАРТОМ». Получилось два листа рядом: её размашистый почерк и его клеточки.

Засыпая, она повторяла про себя: своя кровать, своё одеяло, своя комната. А за стеной, за жёлтой полосой, будет спать чужой мужчина на раскладушке у её эркера. Она лежала и слушала, как он ходит, как льётся вода, как щёлкает выключатель. Потом стало тихо.

Проснулась она от звука и не сразу поняла, от какого.

Металлический скрежет. Короткий, осторожный. Пауза. Снова скрежет, чуть настойчивее. Кто-то вставлял ключ во входную дверь, проворачивал, вынимал, вставлял снова.

Полина села в кровати. Часы на телефоне показывали три ноль семь. Она натянула кофту поверх пижамы, швом наружу, и заметила это только в коридоре, на своей половине.

Андрей уже стоял у двери. В футболке, босиком, с тем самым фонариком в руке, выключенным. Он поднял ладонь, не оборачиваясь: тихо.

Скрежет. Ключ вошёл, упёрся, вышел. Кто-то по ту сторону двери, в полуметре от них, тихо выругался. Шаги, быстрые, вниз по лестнице.

Андрей открыл замок одним движением, рывком распахнул дверь и включил фонарик.

На площадке никого не было. Лампочка над её дверью не горела, хотя вечером горела. Внизу хлопнула дверь парадной. На кафеле, от порога к лестнице, тянулись мокрые следы ботинок. Крупные, с рифлёной подошвой. Снег с них ещё не растаял.

Андрей посветил фонариком на замочную скважину. На новой латуни у края остались свежие царапины.

— Кто-то не знает, что я сменил замок, — сказал он.

Дверь напротив приоткрылась на цепочку. Галина Петровна в бигуди смотрела на них в щель.

— Опять? — спросила она шёпотом.

— Что значит «опять»? — Полина обернулась к ней.

— Так и в среду ковырялись. Поздно, к полуночи. Я думала, ты вернулась, а ты, выходит, в Калининграде была. — Галина Петровна поправила сетку на бигудях. — Мужик. Пьяный. Ругался шёпотом, долго. И голос знакомый, вот что, Полечка. Только не вспомню чей.

Глава 5. Слишком дёшево

Утром на кухонном столе лежали документы. Не стопкой, как вчера, а разложенные в ряд, по порядку, как карты в пасьянсе. Договор купли-продажи. Две доверенности в прозрачных файлах. Выписка из ЕГРН, распечатанная. Расписка на одном листе. Какая-то справка. И тетрадный лист в клетку, исписанный столбиком.

Андрей сидел над ними с кружкой. Он был в той же серой футболке, побрит, причёсан, и выглядел так, будто спал восемь часов, хотя Полина слышала, как он ходил до пяти.

— Доброе утро, — сказал он. — Это всё, что у меня есть по сделке. Смотрите.

— Вы мне разрешаете?

— Вы риелтор. Вы это читаете быстрее меня.

Она села. Кадик сразу запрыгнул к ней на колени, впервые за двое суток, и улёгся с видом кота, у которого совесть чиста. Полина почесала его за порванным ухом и взяла договор.

Договор был стандартный, из тех, что юристы скачивают и правят под объект. Продавцы: Ершов К. С. и Ершова П. А., в лице представителя Сидоренко В. О., действующего на основании доверенностей. Покупатель: Савельев А. Н. Объект: её квартира, с кадастровым номером, площадью, этажом. Цена.

Цену она уже видела на кладбище. Но в договоре стояла другая, ниже ещё на два миллиона.

— Здесь на два миллиона меньше, чем в объявлении, — сказала она.

— Да.

— А заплатили вы как в объявлении. Разницу как?

Он подвинул к ней лист с распиской. «Я, Сидоренко Вадим Олегович, получил от Савельева Андрея Николаевича денежные средства в размере 2 000 000 (два миллиона) рублей наличными в счёт оплаты по договору…» Подпись, дата. Двенадцатое февраля.

— Два миллиона наличными, — сказала Полина. — Остальное через аккредитив?

— Через банк, да. Аккредитив раскрылся на счёт Сидоренко, по доверенности он имел право получать деньги.

— В каком банке счёт?

Он назвал банк. Полина записала. Деньги, которые лежат на счету, можно найти. Деньги, которые сняли наличными на следующий день, найти труднее. Она почти не сомневалась, что их сняли на следующий день.

— А два наличными, потому что «собственники хотят часть налом, налоги»?

— Да, — сказал он, подумав. — Примерно этими словами.

— И вы согласились.

— Согласился.

— Вы понимали, что это серая схема?

— Понимал.

Он отвечал коротко, ровно, не оправдываясь, и от этого злиться было неудобно. Полина положила расписку.

— Слушайте. Я пятнадцать лет в недвижимости. Знаете, что я думаю, когда вижу квартиру на пятнадцать процентов ниже рынка, продажу по доверенности, представителя без агентства, два миллиона налом и сделку за три дня? — Она подождала. — Я думаю: мошенники. Или покупатель с ними заодно.

— Я знаю, что вы так думаете, — сказал Андрей. — Я бы на вашем месте думал так же.

— И?

— И ничего. Я не с ними. Доказать сейчас не могу.

Он отпил кофе. Посмотрел в окно, на двор, на голые тополя.

— Я задумался, — сказал он. — Когда увидел цену. На десять минут примерно. Потом посмотрел на календарь. Соня приезжает в июне. В июле у меня отпуск, единственный за год, остальное время я в небе или сплю. Риелтора нанять я не успел: полёты, два раза собирался и оба раза меня ставили в резерв. Сам квартиры смотрел между рейсами, восемь штук. Эта была девятая. Окно во двор, тихо, школа в пяти минутах. И цена. — Он повернул кружку на столе, ручкой к себе. — Я решил, что повезло.

— Не повезло.

— Не повезло, — согласился он.

Полина взяла тетрадный лист. Это был чек-лист. Ровный печатный почерк, тот же, что на коробках. Пункты с номерами, против каждого пометка: «да» или «нет».

«1. Выписка ЕГРН (свежая, сам заказал) — да.

2. Доверенности — реестр ФНП, проверить номер и статус — да, обе действуют.

3. Обременения, аресты — проверил, нет.

4. Кто прописан. Справка о зарегистрированных — Вадим принесёт к сделке. Принёс, никого.

5. Долги по коммуналке — да, справка.

6. Продавец лично — нет, оба в отъезде, только представитель. Позвонить продавцам? — номера не дал, «не хотят общаться после развода».

7. Цена — ниже рынка. Почему? — срочно, делят деньги».

Против шестого пункта стояло «нет», и рядом, другой ручкой, мелко: «риск».

— Вы проверяли доверенности, — сказала Полина.

— По реестру. Обе были в базе, обе действующие. Я сфотографировал номера и проверил на сайте нотариальной палаты. Сам, с телефона.

— Они и сейчас действующие. Мой адвокат вчера проверял. Только мою подписал не я. Вернее, не я подписала. — Она поморщилась. — Кто-то с моими паспортными данными пришёл к нотариусу.

Андрей поставил кружку.

— Вы уверены?

— Я в среду одиннадцатого сидела в больнице в Калининграде. Мама после операции. — Объяснять это в третий раз было тошно. — Справку пришлют.

Он ничего не ответил, и она взяла справку из ряда документов. Небольшой лист, бланк, внизу печать. «Справка о зарегистрированных по месту жительства. По адресу… зарегистрированные лица отсутствуют». Дата выдачи: десятое февраля. Подпись, расшифровка неразборчиво. Печать.

Полина смотрела на печать.

Печать была прямоугольная, синяя, с текстом в три строки. Ровная. Чистая. Красивая.

— Это откуда? — спросила она.

— Вадим принёс. Сказал, взял в паспортном столе.

— В каком?

— Не знаю. Сказал, в вашем.

— В нашем, — сказала Полина, — печать круглая. С гербом. И штамп «Копия верна» они ставят всегда, даже на оригиналах, потому что у Тамары Ильиничны так рука привыкла. Я этих справок за пятнадцать лет видела штук триста, из нашего района. Я их с закрытыми глазами узнаю.

Она положила справку перед ним, печатью вверх.

— И я здесь прописана, — добавила она. — Никто меня не выписывал. Я вчера проверила через Госуслуги. Значит, эта справка фальшивая. Вы бы увидели в настоящей мою фамилию и спросили бы, кто такая Ершова Полина Андреевна и почему она здесь живёт.

Андрей смотрел на печать долго. Лицо у него не изменилось, только он медленно положил обе ладони на стол, по обе стороны от справки, будто удерживал её, чтобы не улетела.

— Значит, и меня тоже, — сказал он тихо.

Полина не ответила. Ей было его жалко. Это мешало.

— Расскажите про Вадима, — сказала она. — Всё, что помните.

Он рассказал. Лет тридцать пять. Среднего роста, плотный. Залысины, короткая стрижка, кепка, которую он не снимал даже в квартире. Куртка тёмная, неновая. Говорил быстро, гладко, всё время улыбался. Машина серая, кажется, «Киа», номера Андрей не запомнил, и это его, видимо, задевало: он сказал про номера дважды. На правой руке, на кисти, след от ожога, светлый, гладкий, как от кипятка. Андрей заметил, когда Вадим подавал ему ручку.

— Он вас водил по квартире?

— Да. Во вторник, десятого. Вечером.

— Где он включал свет в прихожей?

Андрей поднял глаза.

— Что?

— Выключатель. В прихожей. Он сразу его нашёл?

Андрей замолчал. Она видела, как он вспоминает: не мимикой, а будто внутри что-то перематывается назад. Прихожая. Темно. Вадим открывает дверь своим ключом, входит первым.

— Он искал, — сказал Андрей медленно. — Шарил по стене справа. Потом слева. Потом сказал: «Да где ж он тут», и включил фонарик на телефоне. Я ещё подумал, что странно. Потом решил, что он просто представитель, сам тут не жил.

— Выключатель за дверью, — сказала Полина. — Когда открываешь дверь, он оказывается за ней. Дурацкое место, это делали при царе. Все, кто здесь хоть раз был, знают. Я каждому покупателю, когда показываю похожие квартиры, первым делом объясняю. А он, значит, не был здесь ни разу. Ключ ему дали, а куда руку тянуть, не сказали.

Андрей откинулся на спинку стула.

— Вы так каждого продавца проверяете?

— Я по продавцу за минуту вижу, хозяин он или нет. Хозяин не ищет, где в его квартире окно открывается и в какую сторону вода в кране горячая. Он не думает, он просто тянет руку.

— Я не риелтор, — сказал Андрей.

— Я заметила.

Он фыркнул в кружку. Полина отвела глаза.

— Ещё одно, — сказала она. — Замок. Вы его сами меняли?

— Нет. Мастер. Вадим дал телефон, сказал, хороший, быстрый, недорого. Я в понедельник позвонил, он приехал через час. Поменял за двадцать минут.

— Вадим дал телефон, — повторила Полина.

— Да.

Она хотела что-то сказать и не сказала. В голове было слишком много сразу: доверенность, печать, выключатель, два миллиона в конверте. Мастер от Вадима. Мастер от Вадима. Это надо было запомнить.

Андрей встал, собрал свою кружку и её пустую чашку, вымыл обе под краном, сразу, и поставил на сушилку. Правило номер один. Полина смотрела ему в спину.

— Что вы будете делать? — спросила она.

— Сегодня у меня отдых. — Он вытер руки полотенцем, её полотенцем с лимонами. — Поеду в полицию, допишу заявление. Про справку, про наличные. Мне это невыгодно. За наличные мне тоже могут задать вопросы. — Он повесил полотенце ровно. — Но я лучше сам скажу.

Он достал из кармана ключ, новый, блестящий, на простом стальном кольце, и положил на стол рядом с её чашкой.

— Второй, — сказал он. — Мастер оставил два. Пока суд.

Он ушёл в гостиную. Полина осталась с документами и котом.

Стены в доме были толстые, но двери старые, рассохшиеся, и через гостиную было слышно, как он с кем-то говорит по телефону. Сначала она не прислушивалась. Потом услышала: «Сонь».

— Сонь, привет. Нет, не разбудил? В субботу в одиннадцать, совесть есть?.. Нормально. Да, всё нормально. — Пауза. — Комната? Комната ждёт. Окно во двор, как я говорил. Тихо. — Пауза, длиннее. — Нет, обои пока не выбирал. Пришлёшь мне — выберу. Только не чёрные… Почему нельзя чёрные? Потому что я так сказал… Ладно. Посмотрим… Как мама?.. Передавай.

Он говорил с дочерью другим голосом. Не мягче, но медленнее, и в паузах было слышно, что он улыбается. И врал. «Всё нормально». «Комната ждёт». Комната ждала, заставленная её двенадцатью коробками, с жёлтым скотчем под дверью.

Полина вспомнила, как сама вчера сказала маме: «Бюрократия». Тем же голосом, который мама узнаёт с детства.

Она собрала его документы в стопку, выровняла по краю, как он, и оставила на столе.

Телефон зазвонил в двенадцатом часу. «Кирилл». Она смотрела на экран три гудка, четыре. Ответила на пятом.

— Поль, — сказал Кирилл хрипло. Голос был больной, похмельный, она его знала по всем корпоративам за двенадцать лет. — Поль, ты только не ори, ладно?

— Я не ору.

— Ты сейчас будешь. — Он кашлянул. — Это я ночью приходил.

Глава 6. Пакет документов

Кирилл жил теперь на Гражданском проспекте, в новом доме из тех, что Полина называла «аквариумами»: двадцать пять этажей стекла, консьерж в будке, детская площадка с резиновым покрытием цвета ядовитой мяты. Однушка, сорок метров, аренда шестьдесят пять в месяц плюс коммуналка. Полина знала это, потому что в декабре, когда Кирилл съезжал, он попросил её найти ему «что-нибудь приличное, ты же разбираешься», и она нашла. Нашла бывшему мужу гнёздышко для него и Алины, со скидкой агента. Она до сих пор не понимала, как это получилось.

Дверь открыла Алина.

Полина видела её до этого один раз, издалека, в ноябре, когда всё узнала: на парковке у шиномонтажа, в розовом пуховике, с телефоном. Вблизи Алина оказалась ниже ростом, с крупными серёжками-кольцами и очень хорошими ресницами. Без пуховика, в домашнем костюме цвета пыльной розы.

— Здравствуйте, — сказала Алина так, будто подписывала протокол. — Он в комнате.

— Спасибо.

— Обувь можно не снимать. — Пауза. — Хотя нет, снимите. У нас светлый ламинат.

Кирилл сидел на диване с бутылкой минеральной воды. Он был в мятой футболке с логотипом своей сети, «Шинный двор», небритый, с серым лицом. Двенадцать лет она знала это лицо. По нему можно было читать: вчера был у кого-то день рождения, пили коньяк, потом виски, потом что-то зелёное.

— Поль, — сказал он и попытался встать.

— Сиди.

Она села на стул напротив, не снимая пуховика. Алина осталась в дверях, скрестив руки.

— Рассказывай, — сказала Полина.

— Что рассказывать?

— Зачем ты в три ночи ломился в мою квартиру.

Кирилл посмотрел на Алину, на бутылку, на ламинат.

— Я не ломился. Я ключом.

— Кирилл.

— Ну ладно. — Он отпил воды и поморщился. — У меня там… Короче. В ванной. Над потолком. Где плитка снимается, у вентиляции, третья от угла. Там пакет.

— Какой пакет?

— С деньгами.

Полина смотрела на него. Алина в дверях тоже смотрела на него, и, судя по её лицу, тоже слышала про пакет впервые.

— Сколько?

— Триста. — Он потёр лицо. — Триста двадцать. Я откладывал. Ну на машину. На всякий случай. Ты бы всё равно сказала, что на машину рано.

— Ты двенадцать лет прятал деньги в нашей ванной?

— Не двенадцать. Лет пять. — Он подумал. — Шесть.

— И не забрал, когда съезжал.

— Забыл! Поль, честно, забыл. Там переезд, коробки, ты орала, Алина… — Он осёкся. — Короче, забыл. А в среду вспомнил. Поехал вечером, после работы, поздно уже. Думал, ты в Калининграде, тихо зайду, заберу, ты и не узнаешь. Ключ не подходит. Я решил, ты перед отъездом замок сменила. Из-за меня.

— И в пятницу в три ночи ты решил, что я его сменила обратно?

— В пятницу я был… — Он развёл руками. — У Димона день рождения был. Я подумал, может, я в среду просто не тот ключ взял. Там же два похожих.

Полина закрыла глаза. Сосчитала до пяти. Открыла.

— Значит, мокрые следы и царапины на замке — это ты.

— Я.

— Кирилл, ты понимаешь, что у меня там живёт чужой человек? Который заплатил за квартиру деньги. Который проснулся от того, что ему в дверь ломятся. Который мог вызвать полицию, и тебя бы взяли прямо на лестнице. С твоим перегаром и твоим «тихо заберу».

— Какой чужой человек? — спросила Алина из дверей.

Полина повернулась к ней. Потом к Кириллу. Кирилл смотрел в бутылку.

— Ты ей не сказал, — поняла Полина.

— Я сам только вчера понял. Я думал, ты замок…

— Нашу квартиру продали, — сказала Полина Алине, раз уж больше некому. — Пока я была у мамы. По доверенностям. От меня и от него. Кирилл, ты подписывал доверенность у нотариуса восемнадцатого декабря?

Кирилл поднял голову. Она увидела, как у него дёрнулась щека, слева, как всегда, когда он собирался соврать и передумывал.

— Подписывал, — сказал он. — Ганин сказал, для удобства. Чтобы меня по Росреестру не гонять, когда ты будешь переоформлять. Ну, он там представлять меня будет, если что надо подписать. Я не читал. Ты же знаешь, я не читаю.

Она знала. Кирилл не читал договоры аренды, кредитные договоры, инструкции к стиральной машине, условия страховки. Он подписывал «где галочка». Однажды он подписал договор поставки шин на год вперёд по цене, которая была выше рыночной на треть, потому что менеджер был «нормальный мужик». Полина тогда два месяца вытаскивала его из этого договора.

— Расскажи про Ганина. Как ты к нему попал. С самого начала.

Кирилл вздохнул так, будто его заставляли разгружать фуру.

— Ну как. Ты же знаешь. Он у нас обоих был.

— Я знаю, как я к нему попала. Мне Лара дала телефон в ноябре. А ты?

— Так и мне Лара. — Кирилл пожал плечами. — Ещё раньше. На твоём дне рождения, в октябре, в «Тбилисо», помнишь? Мы курили на крыльце, я ей про Серёгу, партнёра, жаловался: разводится, бизнес делят, всё в суде. Она говорит: пусть к Ганину идёт, лучший по разводам, мирно и быстро. И телефон мне сбросила. И ещё так: ты, говорит, запомни, мало ли. Я посмеялся: с чего, говорю, нам разводиться. А она так посмотрела… — Он замолчал. — Ну, она, наверное, уже знала. Про Алину. Бабы всегда первые знают.

Алина в дверях громко вздохнула.

Полина вспомнила свой октябрьский день рождения. Грузинский ресторан, двенадцать человек, хинкали, Лара в зелёном платье произносит тост про «нашу Полинку, у которой всё под контролем». Кирилл выходил курить, долго. Она тогда думала, что он звонит маме.

Лара всем всех советовала. Стоматологов, мастеров по ногтям, педиатров, психологов, сантехников. У Лары была записная книжка на тысячу номеров, и пользоваться ею она начинала раньше, чем её просили.

— Дальше, — сказала она. — Ты пришёл к Ганину.

— Пришёл в декабре, после того как ты меня выгнала. Офис на Васильевском, в бизнес-центре, на проходной охрана, пропуск по паспорту. У него кабинет с аквариумом. Он сразу сказал: Кирилл Сергеевич, давайте без войны, войны всем дорого обходятся. Я говорю: давайте. Он дал мне папку. Там всё: заявление, соглашение, какие-то согласия, доверенности. Говорит: тут галочки, где подписать. Я подписал.

— Всё?

— Всё, где галочки. Ну и у нотариуса потом, где он сказал.

— На кого доверенность? — спросила она.

— Ну, на Ганина, наверное. Или на его помощника. Я не помню.

— На Сидоренко Вадима Олеговича.

— Не знаю такого.

— А он тебя знает. Он по этой доверенности продал твою половину квартиры. А по другой, которую подписала женщина с моим паспортом, продал мою.

Кирилл побледнел. Это было видно даже на сером похмельном лице.

— Поль, я не продавал. Клянусь. Я не знал.

— Деньги ты получал?

— Какие деньги?

— За квартиру. Двадцать миллионов с лишним. Хоть что-то упало тебе на карту?

— Ничего мне не падало! — Он полез в телефон, открыл банк, тыкал пальцем, показывал ей экран, выписку, какие-то переводы Алине, за аренду, за шины. — Вот. Смотри. Ничего.

Она посмотрела. Ничего.

Странно, она поверила ему сразу. Кирилл врал часто, но врал о мелком: о том, где был, сколько выпил, почему не позвонил. Врал год про Алину. Но про деньги он врать не умел. Деньги были для него слишком серьёзной вещью, при упоминании денег у него потели ладони.

— Ганин тебе звонил? — спросила она. — На этой неделе?

Кирилл ответил не сразу.

— Нет, — сказал он. — Он же в отпуске.

Щека дёрнулась. Слева.

Полина ничего не сказала. Она смотрела на него, и он отвёл глаза к окну, за которым торчали такие же стеклянные башни и строительный кран.

— Тебя вызовут в полицию, — сказала она. — Расскажешь всё, как мне. Про Ганина, про нотариуса, про «для удобства». Про пакет в ванной можешь не рассказывать.

— Поль…

— И пакет твой я отдам. Если найду. Если новый хозяин его ещё не нашёл. Он, кстати, очень аккуратный, у него на всё опись.

Она встала. Алина посторонилась в дверях, пропуская её в прихожую. Полина обувалась долго: молния на левом ботинке заедала с осени. Алина стояла рядом и смотрела, как она дёргает собачку.

— Вы правда были у мамы? — спросила Алина негромко.

— Правда.

Алина помолчала. Оглянулась на комнату, где Кирилл включил телевизор.

— Ему звонили, — сказала она ещё тише. — Во вторник. Он вышел на балкон разговаривать, в минус десять, без куртки. Вернулся белый. Я спросила, кто. Он сказал: «по работе».

Полина застегнула наконец молнию и выпрямилась.

— Зачем вы мне это говорите?

Алина пожала плечами. Серёжки качнулись.

— Не знаю, — сказала она. — Может, затем, что меня он тоже обманывает. Про пакет я вот не знала.

На улице было минус восемь, с низкого серого неба сыпала мелкая крупа и стучала по стеклянным башням. Полина шла к метро и думала про Кирилла на балконе без куртки. Кто ему звонил во вторник? Ганин из отпуска? Вадим? И почему он вернулся белый?

Чужих продавцов она вычисляла с полуслова. А дома шесть лет не замечала пакета над потолком в ванной.

Телефон звякнул у турникета. Сообщение. Номер незнакомый, без имени.

«Съезжайте по-хорошему. Покупатель ни при чём. А вы при чём».

Полина остановилась. Сзади на неё налетел мужчина с сумкой, выругался, обошёл. Она стояла у турникета и перечитывала. Последняя фраза была без вопросительного знака.

Она нажала на номер. Длинные гудки. Потом сброс. Потом «абонент недоступен».

Глава 7. Пальто

В понедельник у Андрея был рейс в Сочи. Полина узнала об этом не от него, а от холодильника: «2 — Р — 06:40 — AEP — 13:15 — LED — 19:50». Ушёл он в половине пятого. Она слышала сквозь сон, как он ходит на цыпочках по своей стороне коридора, как щёлкает замок, тихо, придержанный ладонью. Кадик проводил его до двери, вернулся и лёг ей в ноги.

В девять она была в агентстве. «Невский метр» занимал первый этаж старого дома на Большом проспекте: витрина с фотографиями квартир, шесть столов, кулер, фикус, который поливали все и поэтому он постоянно умирал от перелива. Начальница, Светлана Борисовна, крупная, в очках с красной оправой, вышла из своего стеклянного кабинета навстречу Полине и обняла её.

— Лариса рассказала. Кошмар. Кошмар, Полина. Чем помочь? Отгулы бери, сколько надо.

— Мне не отгулы, мне работать надо. У меня сделка на Ждановской в среду.

— Работай, конечно. — Светлана Борисовна понизила голос. — А юрист у тебя хороший? Если что, у нас же есть партнёр. Ганин, Эдуард Валерьевич, ты его знаешь. Он нам клиентов по разводам приводит, мы ему, всё по-честному. Он такие вещи…

— Он и вёл мой развод, — сказала Полина.

Светлана Борисовна моргнула за красной оправой.

— Ну вот. Тем более. Значит, в курсе дела.

Полина ничего не ответила. Пошла к своему столу. Открыла верхний ящик. Гвоздик, на котором обычно висели её запасные ключи на синей резинке, был пустой: ключи она перед отъездом отдала Ларе.

— Лар, — позвала она через зал. — Ключи мои у тебя?

Лара сидела у окна, с телефоном у уха. Махнула рукой: сейчас. Договорила, положила трубку.

— У меня, солнце. Дома, в прихожей, в вазочке. Я завтра принесу, честное слово. Сегодня с утра Дениса к врачу возила, у него опять спина, двадцать четыре года, а спина как у деда. Бегом, без сумки.

— Ладно.

— Ты как? Ночевала где?

— Дома.

Лара округлила глаза.

— С ним?

— На разных половинах. У нас граница. Скотчем.

— Полинка. — Лара подкатила к ней на кресле, через проход, тяжело оттолкнувшись ногой. — Ты с ума сошла? Ты его не знаешь. Мало ли кто он. Мало ли что у него в голове. Мужик, один, военный, или кто он там.

— Лётчик.

— Тем более. Они все с приветом, у них нервы. — Лара взяла её за руку. — Вечером зайду. Поговорим нормально. Я пирог испеку, с капустой, ты любишь.

Лара пришла в семь, когда стемнело. С пирогом, завёрнутым в полотенце, и бутылкой красного вина. Поднялась на третий этаж, отдуваясь, долго топталась на коврике, оглядывая новый замок, потом жёлтую полосу на полу прихожей.

— Господи, — сказала Лара. — Это граница?

— Это граница.

— А кухня чья?

— Нейтральная полоса.

Лара засмеялась, громко, на весь подъезд, и Полине на минуту стало легче. Лара умела смеяться так, что всё вокруг становилось немного глупее и безопаснее.

На кухне Лара огляделась. Потрогала медную турку на подоконнике. Прочитала оба листа на холодильнике: «ПРАВИЛА» и «МАРТ». Постучала ногтем по клеточке «2 — Р».

— Сочи, — сказала Лара. — Красиво живёт. А ты тут коробки нюхаешь.

Она нарезала пирог Полининым ножом, разлила вино в Полинины бокалы, села на Полинин стул. Кадик подошёл, обнюхал её сапоги и ушёл в коридор.

— Ешь, — сказала Лара.

Полина ела. Пирог был горячий, с капустой и яйцом, мамин рецепт Лары, который Лара никому не давала. Лара рассказывала про агентство, про Светлану Борисовну, которая опять заказала на всех новые визитки с ошибкой в телефоне, про клиентку с Каменноостровского, которая третий месяц выбирает между двумя одинаковыми квартирами. Про сына.

— Денис у меня теперь при деле, — сказала Лара и даже порозовела. — Ты не поверишь. Снимает квартиры для объявлений. Сам. Своё дело, сам нашёл клиентов, по агентствам ходит, по застройщикам. Камеру купил, тысяч за сто, кредит, конечно, но уже отбил. Говорит: мам, у меня глаз. Ракурсы всякие, свет. Я посмотрела, правда красиво. Квартиры как в журнале.

— Молодец, — сказала Полина. — Пусть мне снимет, когда я свою буду продавать. Если она когда-нибудь опять станет моей.

— Снимет, конечно. Бесплатно снимет. — Лара отпила вина. — Ты-то что делать будешь? Что юрист говорит?

— Не Ганин. Другой. Штерн, на Кронверкском.

— Штерн? — Лара нахмурилась. — Не слышала. Старый?

— Пожилой.

— Ой, Полинка. Старые эти… Они всё по книжке делают, медленно. Ганин вернулся, кстати, сегодня, я видела в чате партнёров. Позвони ему. Он молодой, хваткий, у него связи в Росреестре. Я его кому только не советовала. Кирюше твоему, между прочим, ещё на твоём дне рождения, у него тогда партнёр по шиномонтажу разводился, бизнес делили, Кирюша ныл весь вечер.

— Я подумаю.

— Подумай. — Лара наклонилась к ней через стол. — И ещё подумай вот о чём. Ну зачем тебе здесь жить? С ним. Пока это всё тянется. Месяцы, Полин. Поживи у мамы в Калининграде, ей после операции помощь нужна. Работать можешь удалённо, ты и так в телефоне живёшь. А тут пусть юристы разбираются. Вернёшься, когда всё решат.

— Штерн говорит, нельзя уходить. Каждый день отсутствия против меня.

— Штерн говорит. — Лара откинулась на спинку стула. — Ну смотри сама. Я за тебя переживаю, ты пойми. Ты одна, с чужим мужиком.

Лара ушла в десятом часу, расцеловав её в обе щёки и оставив полпирога и полбутылки. Полина закрыла за ней дверь, повернула ключ, подёргала ручку, как делал Андрей. Постояла в коридоре.

Потом пошла в маленькую комнату, к коробкам.

Она не открывала их с пятницы. Было как-то трудно, как будто открыть коробки означало согласиться, что её жизнь теперь хранится в картоне. Но завтра нужны были документы, Штерну: свидетельство о браке, о разводе, копия определения суда. Определение лежало в синей папке, папка — в коробке «ГОСТИНАЯ. ФОТОГРАФИИ. ДОКУМЕНТЫ». Она помнила, где именно: вторая полка книжного шкафа, слева, за альбомами.

Опись Андрея говорила: «41. Папка синяя пластиковая с документами, 1 шт. Содержимое не смотрел».

Синяя папка лежала там, где он написал. Полина открыла её на полу, сидя на коленях. Свидетельство о браке. Свидетельство о расторжении брака. Мамины документы на пенсию,

ксерокопия. Договор купли-продажи этой квартиры, старый, четырнадцатого года. Квитанции. Гарантийный талон на холодильник.

Определения суда не было.

Она перебрала папку ещё раз, медленно, лист за листом. Потом вытряхнула всё на пол и разложила веером. Нет. Оригинал определения с синей печатью, на трёх листах, сшитых и пронумерованных, который она забрала из суда восемнадцатого декабря и положила в эту папку в тот же вечер. Она помнила, как клала: поверх свидетельства о разводе, чтобы в Росреестр нести оба.

Его не было. Свидетельство о разводе было, а оно лежало под определением. Значит, кто-то вынул только определение. Аккуратно. Зная, что брать.

Полина посидела на полу. Кадик пришёл, понюхал бумаги, лёг на свидетельство о браке.

Потом она встала и пошла в прихожую.

Вешалка. Две его куртки, форменная и зелёная. Её пуховик, в котором она приехала. Шарф. Больше ничего. Она открыла шкаф-купе в прихожей: её зимние сапоги, его коробка с обувной щёткой, пылесос. Пальто не было. Вернулась в маленькую комнату, перечитала опись целиком, три листа. «СПАЛЬНЯ. ОДЕЖДА. ЗИМА»: свитера, шапки, юбки, перечисленные по пунктам, с цветом. Пальто там не было. Бежевого, длинного, с крупными пуговицами, в котором она ходила на показы. Которое висело на этой вешалке на фотографии с кладбища объявлений. В день, когда квартиру снимали.

Она взяла телефон. Половина одиннадцатого. Он должен был прилететь в восемь.

Написала: «Вы когда въехали, на вешалке в прихожей было бежевое пальто? Длинное, с большими пуговицами».

Три точки появились почти сразу. Исчезли. Появились снова. Потом зазвонил телефон.

— Мы во Внукове, — сказал Андрей. Фоном гудело, кто-то говорил в громкоговоритель. — Из Сочи ушли с задержкой, Пулково по погоде не принимало, сели на запасной в Москве. Через двадцать минут вылет домой. Что с пальто?

— Было оно?

— Нет. — Он ответил сразу, без паузы. — На вешалке не было ничего. Пустая вешалка, только тапочки внизу. Я ещё обратил внимание: всё в квартире на местах, а вешалка пустая. Как будто кто-то собрался уходить и снял. Шарфы были в шкафу. Я их в коробку положил, пункт девятнадцатый.

— Пальто не было.

— Не было. — Пауза. Гул. — Что случилось?

— Определения суда тоже нет. Оригинала. Из папки.

Где-то рядом с ним женский голос сказал: «Андрей Николаевич, нам пора».

— Я понял, — сказал он. — Ничего больше не трогайте. Я буду ночью. Около половины второго.

— Вы мне не начальник, — сказала она, по инерции.

— Нет, — согласился он. — Я во Внукове. Ложитесь спать, Полина Андреевна.

Связь оборвалась. Полина стояла в прихожей с телефоном. Под потолком светила лампочка, которую никто не мог найти, потому что выключатель был за дверью. На пустой вешалке висели две мужские куртки.

Кто-то был здесь. Кто-то, кто знал, что брать. Пальто, в котором она выглядит как она. Определение суда, без которого её право не зарегистрируют; дубликат дадут в суде, но это недели. Пальто, в котором её узнают издалека.

Кто-то в нём ходил.

Глава 8. Тебя продают

Спать она не легла.

Вымыла два бокала из-под Лариного вина, сразу, по правилу номер один. Завернула остаток пирога в полотенце. Дважды проверила замок: повернула ключ до упора, подёргала ручку, как Андрей. Постояла у двери, слушая лестницу. Лестница молчала. Где-то на пятом этаже бубнил телевизор.

Потом она села на кухне с блокнотом и написала столбиком, как Штерн: кто мог войти в квартиру до двадцать третьего февраля, пока здесь был её старый замок.

Она. Ключи с синей резинкой были с ней в Калининграде.

Кирилл. Он клялся в декабре, что отдал свои, положил на тумбочку в прихожей. Она тогда не проверила. А в среду он стоял у этой двери со «своим» ключом и матерился шёпотом. Значит, не отдал. Значит, все эти два месяца он мог войти когда угодно. За пакетом над потолком в ванной. Или не только за пакетом.

Лара. Запасные из ящика в агентстве. Кормила кота.

Тот, кому Кирилл или Лара дали ключ. Или кто снял слепок, пока ключи лежали в ящике её стола, где их мог взять любой в агентстве за минуту, пока она на показе.

Она подчеркнула «Кирилл» два раза. Кирилл подписал доверенность. Кирилл знал, где лежит синяя папка, потому что сам её покупал, в «Ленте», в наборе из трёх. Кирилл знал её пальто: он подарил его на прошлый Новый год, единственный подарок за двенадцать лет, который она не стала потом тихо сдавать в магазин. И Кирилл сегодня на вопрос про Ганина соврал. Щека дёрнулась.

Она написала ему в одиннадцать вечера: «Ты брал из квартиры моё бежевое пальто?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.